

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 84–92. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 84–92. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

EDN EQVZIG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-84-92>

ВРЕМЯ РЕАБИЛИТАЦИИ. О НОВОМ ПРОЧТЕНИИ Н.В. ГОГОЛЯ

Виноградов Игорь Алексеевич, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, info@imli.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

Аннотация: В статье ставится проблема адекватного понимания наследия Н.В. Гоголя. Применительно к гоголевским произведениям анализируются основные проблемы истолкования художественного образа. В качестве базовых утверждаются принципы интерпретации текста, выработанные при богословском истолковании евангельских притч в святоотеческой практике, и отдельные положения современной теории символа А.Ф. Loseva. Подчеркивается, что пониманию многозначности образа не противоречит представление о наличии в художественном произведении целевого «вектора смысла», в котором выражаются творческие волевые намерения автора. В научном постижении авторского замысла отмечается важный эвристический потенциал предварительного комплексного изучения духовной биографии писателя. Длительное господство радикальной атеистической идеологии в истолкованиях Гоголя сказалось в методологической беспомощности и некомпетентности исследователей в понимании наследия христианского художника. Процесс научного осмысления художественного мира Гоголя, выработки объективных критериев и методов исследования рассматривается в родственном контексте важных социальных процессов последних десятилетий – восстановления справедливости в религиозной и правовой сферах, реабилитации многочисленных жертв политических репрессий, продолжающейся канонизации новомучеников и исповедников Российских.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, биография, творчество, интерпретация, символ, образ, притча, авторский замысел, вектор смысла, общественная идеология, духовная реабилитация.

Для цитирования: Виноградов И.А. Время реабилитации. О новом прочтении Н.В. Гоголя // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 84–92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-84-92>

Research Article

TIME TO REHABILITATE. A NEW READING OF NIKOLAI GOGOL

Igor' A. Vinogradov, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, info@imli.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

Abstract: The article raises the problem of adequate understanding of the heritage of Nikolai Gogol. With regard to Nikolai Gogol's works, the main problems of interpretation of the artistic image are analysed. The principles of text interpretation developed during the theological interpretation of the gospel parables in patristic practice, and certain provisions of the modern theory of the symbol of Aleksei Losev are formulated as basic ones. It is emphasised that the understanding of the ambiguity of the image does not contradict the idea of the presence in the work of art of the target "vector of meaning", which expresses the author's creative volitional intentions. In the scientific comprehension of the author's intention, an important heuristic potential of a preliminary comprehensive study of the writer's spiritual biography is noted. Almost a century-long dominance of radical atheistic ideology in Nikolai Gogol's interpretations was reflected in the methodological helplessness and incompetence of science in understanding the legacy of that Christian artist. The process of scientific understanding of the artistic world of Nikolai Gogol, the development of objective criteria and methods of research is considered in the related context of important social processes of recent decades which are – we hope – the restoration of justice in the religious and legal spheres, the rehabilitation of numerous victims of previous political repression, the ongoing canonisation of the New Martyrs and Confessors of Russia.

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creative work, interpretation, symbol, image, parable, author's intention, meaning vector, social ideology, spiritual rehabilitation.

For citation: Vinogradov I.A. Time to rehabilitate. A new reading of Nikolai Gogol. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 84–92 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-84-92>

Проблема осмысления творчества Н.В. Гоголя стоит в настоящее время исключительно остро. Давний оппонент писателя В.Г. Белинский не без остроумия как-то заметил: «...“Российская словесность” преимущественно сподручна для шарлатанов <...>: в нее можно класть что угодно, и отсюда можно вынимать какие угодно теории, без опасения заплатить пошлину за болтовню» [Белинский: 71]. За этим выводом стоял, несомненно, собственный неоднозначный опыт критика по извлечению произвольных смыслов из анализируемых произведений. Известно, как субъективно интерпретировал Белинский творчество русских классиков: Г.Р. Державина, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя¹, подавая своим последователям заразительный пример произвольного и безответственного манипулирования художественным наследием.

В конце XX в. перед литературоведением встала насущная задача создания новой, объективной концепции русской литературы, ставшая продолжением других значимых общественных процессов: восстановления справедливости в религиозной и правовой сферах, реабилитации многочисленных жертв политических репрессий, широкой канонизации десятков тысяч новомучеников и исповедников Российских.

Но возвращение исторической памяти предполагает восстановление ее в полном объеме, а не только в отдельных областях. Изменения в главной сфере – в отношении к Церкви – произошли. Но на этом процесс как бы приостановился, хотя очевидно, что дело преодоления последствий радикального периода не завершено. В первую очередь это касается русской классики, испытавшей жесткое давление советской идеологии.

Важно при этом подчеркнуть, что это не просто возвращение литературоведения к дореволюционному состоянию. Либеральный диктат господствовал и на протяжении XIX в., навязывая свое «новое» видение мира, отличающееся от традиционной русской культуры, несмотря на весь могущественный, сильнейший в Европе правительственный аппарат, царя, цензуру, на провозглашаемые официально охранительные, консервативные ценности.

Современное обращение к архивам, к новым текстам – это не просто продолжение прерванной традиции, но введение в научный оборот пласта русской культуры, который уже в XIX в. игнорировался и подвергался остракизму.

Кроме архивных разысканий для адекватного изучения художественных произведений необходимы и новые методологические ориентиры. К примеру, сейчас говорят о «медленном» чтении, которое позиционируется как исключительный метод постижения художественных текстов. Но главное – это *компетентное* чтение – то, что произведение чита-

ет исследователь, подготовленный для этого знанием биографии писателя, изучением других его произведений, пониманием эпохи. Аксиома и трюизм, но приходится повторять: чем шире круг привлекаемых знаний, тем точнее результаты интерпретации.

Сама по себе медленность чтения может даже навредить, привести к появлению у читателя еще большего количества дополнительных, искусственно порожаемых смыслов, благо многозначность образа тому способствует. В поисках адекватных инструментов гораздо важнее не задерживаться на множественности интерпретационных подходов, а обратиться к методам более строгим, давно опробованным, доказавшим свою результативность, и, как это часто бывает, давно забытым.

В святоотеческой традиции была и остается своя школа интерпретации художественного образа. Все толкователи Евангелия настаивали и настаивают на том, что для понимания притчи, – содержащей несомненные художественные образы, – не всё, не все детали и частности следует принимать во внимание, – некоторые из них служат лишь для развития сюжета, носят, так сказать, вспомогательный, второстепенный характер. В противном случае, мы, например, будем в притче о Сеятеле говорить о том, что каменистая почва и не могла быть источником хорошего урожая, а потому бросать туда семена бессмысленно. Можно придумать еще много прочих нелепых смыслов. Теперь, например, говорят, что в басне о стрекозе и муравье И.А. Крылова, где изображены человек-труженик и человек-бездельник, есть несправедливое отношение к женщине как украшению жизни, что стрекоза нуждается в сострадании, а в муравье выведен жестокий мужчина-собственник и эгоист. Предлагается так называемое «гендерное» прочтение, будто бы даже с христианским подтекстом. Но таких смыслов в тексте нет, подобное толкование неверно.

Святоотеческий принцип, складывавшийся в противостоянии искажающим интерпретациям Священного Писания, предполагает в истолковании притчи прежде всего уяснение *главного* направления мысли, а потом уже позволяет пускаться в более или менее подробный анализ. Св. Иоанн Златоуст писал: «...В притчах не нужно изъяснять все по буквальному смыслу, но узнавши цель, для которой она сказана, обращать это в свою пользу, и более ничего не испытывать. <...> ... Не на все в притчах должно обращать внимание» [Иоанн Златоуст: 655–656]. Блаженный Феофилакт Болгарский добавлял: «Всякая притча прикровенно и образно объясняет сущность какого-нибудь предмета, но она не во всем подобна тому предмету, для объяснения которого берется. По сему не должно все части притчи изъяснять до тонкости, но, воспользовавшись предметом насколько при-

лично, прочие части нужно опускать без внимания, как прибавленные для целости притчи и с предметом ее не имеющие никакого соответствия» [Феофилакт Болгарский: 409]. Современный (1907 г.) церковный автор поясняет: «...Следует иметь в виду, что Христос, беря для Своих притчей примеры из обыденной жизни Своих слушателей, пояснял Свое учение лишь главною мыслью рассказа, а не мелочными подробностями его, не имевшими иногда прямого отношения к главной мысли. Если допустить это положение, то бесполезны будут попытки истолковывать во что бы то ни стало все без исключения подробности каждой притчи; гоняясь за ними, можно упустить главную мысль, можно, как говорится в пословице, из-за деревьев не заметить леса» [Гладков: 464].

Согласно этим испытанным рекомендациям, в истолковании образа следует прежде всего искать цели художественного произведения, его мотивов, как это делают уже давно не только толкователи притч, но, к примеру, и рядовые судебные следователи при разбирательстве дел. Аналогия здесь вполне уместна. Мы тоже судим о произведении. И все прекрасно понимают, что значит для подсудимого «принцип» «хочу оправдаться, хочу посадить». Субъективные толкования неуместны не только в судебной практике.

Избирая новую теорию, гендерную или теорию литературных репутаций, исследователь порой вступает в противоречие со здравым смыслом. Достаточно представить: Евангелие в гендерном освещении. Или: церковная репутация Сергия Радонежского, церковная репутация Серафима Саровского. Звучит нелепо и вызывающе, – но вот к Гоголю – христианскому писателю – и вообще к русской классике, с ее глубокими христианскими корнями, применять подобные теории почему-то считается допустимым. После долгого господства радикальной идеологии постижение творчества Гоголя нельзя назвать успешным, а новые эпатажирующие теории лишь добавляют недоразумений к тому, что оставила в наследство предшествующая эпоха.

В современном литературоведении к святоотеческим принципам истолкования образа ближе всего стоит теория символа, разработанная в прошлом веке выдающимся русским философом и филологом Алексеем Федоровичем Лосевым (монахом Андроником; 1893–1988). Наиболее полно концепция А.Ф. Лосева изложена в его монографии «Теория символа и реалистическое искусство» [Лосев 1976]. Несмотря на определенную «дань системе» (выразившуюся в «дежурных» ссылках на труды К. Маркса и В.И. Ленина²; в появлении в книге главы о Прометее как носителе «революционных функций»³; в очевидном «лагерном» юморе некоторых высказываний⁴), в целом труд имеет непреходящее методологическое значение, заключает глубокий эври-

стический потенциал. В лосевской теории удачно сочетается понимание многозначности образа (то, чем гуманитарии порой злоупотребляют) и, одновременно, утверждение того, что еще не вполне освоено, – приоритет главенствующего, определяющего смысла, пронизывающего любое, самое многозначное произведение или образ, – «единораздельной цельности, определенным образом направленной», «сконструированной по определенному закону» [Лосев 1976: 66, 138]. «...Художественное произведение, – писал Лосев, – <...> всегда в чем-нибудь нас убеждает, <...> к чему-то призывает...» [Лосев 1976: 166]. Польский музыковед С. Яроцинский (1912–1980), размышляя о природе символа, также замечал: «...Символ в искусстве – это, можно сказать, “вектор смысла”, указывающий направление, в котором должны устремляться мысли и чувства» [Яроцинский: 52–53]. Отечественный литературовед Н.П. Утехин указывал, что при всем «плюрализме» истолкований символ или образ всегда предполагает и «одно единственное прочтение, наиболее адекватное умунастроению художника» [Утехин: 195].

Важно подчеркнуть, что именно так – отделяя главное содержание от второстепенных, побочных ассоциаций – просил читателей относиться к его сочинениям Гоголь. По поводу одного из своих произведений он писал: «...Нужно <...> рассмотреть книгу, что она такое в своем основании, а не останавливаться над частями и подробностями прежде, чем объяснился вполне внутренний смысл ее. От этого вышли пустые придирки <...> и приписанье многому такого смысла, который мне никогда и в ум не мог прийти» [Гоголь 2009–2010, 6: 246].

Тот же завет или просьбу Гоголь выразил другими словами: «...Везде есть нить, как во всякой ткани есть основа, хотя иногда совершенно бывает заткана утком...» [Гоголь 2009–2010, 7: 179] (уток – поперечные нити холста).

В гоголевских сочинениях можно найти еще несколько похожих советов. В связи с собственным толкованием уездного города в «Ревизоре» как «душевного города» Гоголь устами героя-alter ego замечал: «...Почему вы знаете, что это нравоученье вывел один я? <...> ...Почему вы считаете его отдаленным?» [Гоголь 2009–2010, 3/4: 498]. В качестве рекомендации к постижению главной мысли комедии писатель предлагал зрителю погружение в собственную душу: «Мы, слава Богу, не дети. Я подумал о том, какое нравоученье могу вывести для самого себя, и напал на то, которое вам теперь рассказал. <...> Если бы и другие имели в виду прежде себя, вероятно, и они вывели бы то же самое нравоученье, какое вывел и я» [Гоголь 2009–2010, 3/4: 497–499].

Авторские рекомендации писателя подсказывают, что в его художественных, многозначных произ-

ведениях нужно искать прежде всего религиозную проблематику, вопросы, связанные с душеведением. Первостепенное значение в преодолении субъективных толкований приобретает в этом свете изучение духовной биографии Гоголя. Зная взгляды и убеждения художника, «вектор» движения его мысли, можно почти безошибочно в том или ином случае предполагать, что мог иметь в виду классик.

Так, исходя из духовной биографии Гоголя, можно утверждать, что в «Ревизоре» и «Мертвых душах» писатель не предполагал никакого политического приговора «старой» России. Этого он не мог сделать ни как христианский писатель, ни как русский патриот, ни как рядовой старосветский помещик, деливший с матерью хлопоты о родовом имении. Речь в гоголевской сатире всегда шла о необходимости исправления человека, чиновника, помещика, а не о ненависти и уничтожении, которыми руководствовались идеологи революционных преобразований. Своих современников Гоголь-сатирик никогда не идеализировал, он трезво оценивал и русских, и украинских помещиков и чиновников – многочисленных выходцев Малороссии и Великороссии, которые ехали в Петербург ради выгодных мест. Однако сатирой писателя руководила не ненависть, а любовь к человеку, смех сквозь слезы, как у Апостола Павла в обличении Коринфян: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» (2 Кор. 2, 4). Эти слова апостола чрезвычайно близки к пониманию Гоголем своего писательского призвания.

В художественных произведениях Гоголя немало фактов, необходимых для понимания его духовной биографии. Когда в статье об архитектуре в «Арабесках» он говорит, «как велики требования души перед требованиями тела» [Гоголь 2009–2010, 7: 255], то можно быть уверенным, что это он говорит и о самом себе, о своем аскетизме. Игнорировать этот аскетизм исследователь не имеет права.

Гоголь замечает, что только «поэт», который не имеет «обширного гения», «недоволен простым сюжетом, и, вместо того чтобы развить его и сделать огромным, <...> привязывает к нему множество других» [Гоголь 2009–2010, 7: 259]. И здесь тоже речь идет о цельности и последовательности гоголевского мировоззрения, имеющего в своей основе строгую «господствующую мысль» и «одно целое» [Гоголь 2009–2010, 7: 259].

Характерна обмолвка Гоголя в «Мертвых душах» о «радости» ученика, когда перед ним раскрывается наконец «какая-нибудь» труднейшая фраза и обнаруживается настоящий смысл мысли великого писателя» [Гоголь 2009–2010, 5: 363]. Сам Гоголь завещал здесь читателю искать в его произведениях «настоя-

щий», авторский смысл – а не отдавать художественный образ на произвол и «растерзание» субъективной множественности.

Сборник Гоголя «Арабески» 1835 г. начинается с благодарности Творцу за искусство: архитектуру, скульптуру, живопись, музыку. Религиозный характер носит в сборнике и повесть «Портрет»: здесь на примере одного художника прослеживается происхождение современного «идолопоклонства», поклонения тельцу. Статья «Жизнь» в этом сборнике, – вся, безусловно, о той Жизни, о которой возвещает св. Иоанн Богослов в Первом соборном послании: «...Что мы слышали, что видели <...> что осязали руки наши, о Слове жизни, ибо жизнь явилась, <...> которая была у Отца и явилась нам...» (1 Ин. 1, 1–2).

Вдохновенные строки Гоголя в «Арабесках» о любимых им Средних веках тоже глубоко религиозны – и здесь вновь проглядывает автохарактеристика Гоголя, двадцатипятилетнего юноши. Он пишет: «С мыслию о Средних веках неволью сливается мысль о крестовых походах... <...> Где, в какое время было когда-нибудь равное ему?... <...> Предприятие это – дело юноши, <...> которому определено быть гением...»; «Это не какая-нибудь война за похищенную жену, <...> даже не война за <...> народную независимость. <...> ...Ни одно собственное желание, ни одна личная выгода не входят сюда... <...> Жить для всего человечества; <...> носить в себе одно: защиту Веры Христовой; все принести ей в жертву и отказаться от всего...» [Гоголь 2009–2010, 7: 180–181, 184]. Без преувеличения можно сказать, что сам Гоголь с юности воплотил в своей жизни этот христианский идеал.

Примеры можно умножать и умножать. В каждом, без исключения, произведении Гоголь являет себя глубоким христианским художником. Статья «Мысли о географии» в «Арабесках» проникнута восхищением созданиями Творца. Странная, «арабская» статья «Ал-Мамун» имеет острый государственный подтекст, она посвящена обсуждавшимся тогда проблемам управления страной и вновь характеризует Гоголя как писателя-государственника, как патриота, озабоченного судьбами России.

В Петербург в 1828 г. приехал консервативный, очень религиозно воспитанный юноша. В северной европеизированной столице он столкнулся с целым рядом явлений, которые не могли не вызвать его возмущения – и последовавшего духовного обличения. К примеру, проблеме распутства, которая станет сквозной у Гоголя, посвящена в «Арабесках» повесть «Невский проспект».

Один из отрывков незавершенного романа «Гетман», включенный в «Арабески», прямо посвящен изображению мученика за веру Христову, несущего крест на Голгофу: «Осветить бы месячному лучу

хоть на минуту его лицо – и он бы, верно, блеснул в каплях кровавого пота, катившегося по щекам его!» [Гоголь 2009–2010, 7: 86].

В «Записках сумасшедшего» изображен мученик совсем другого рода: сумасшедший, неумный честолюбец Поприщин, который страдает и мучается, распинаемый страстями, тщеславием, приверженностью к миру и его соблазнам. В этом, по Гоголю, заключаются мирские крест и голгофа современного человека. В основу «Записок сумасшедшего» была положена незавершенная драма Гоголя «Владимир 3-ей степени». По дошедшим воспоминаниям, «голгофой» героя драмы становилось то, что после неудачи с получением Владимирского креста сумасшедший чиновник становился перед зеркалом, поднимал («растопыривал») руки («так что делал из себя подобие креста») и любовался своим отражением [Виноградов 2013: 504]. Таковы духовные темы, которые волнуют Гоголя в «Арабесках».

Уже в ранних произведениях Гоголь предстает как писатель, глубоко заинтересованный в действенности церковного слова. В самой первой его напечатанной повести, в «Вечере накануне Ивана Купала», он упоминает о том, как прихожане, слушая проповедь священника, в ответ только равнодушно разевают свои «широкие пасти» [Гоголь 1830: 251]. В «Главе из исторического романа», включенной в «Арабески», изображен еще один проповедник и мученик за веру Христову. Здесь рассказывается о подвиге дьякона, пострадавшего за обличение нечестивого польского пана – дьякон был казнен за свою проповедь: «А, так ты еще и проповедь читаешь? Гей, хлопцы! поднимите попа на крылос, а чтоб не застудил горла, накиньте ему галстук на шею!» [Гоголь 2009–2010, 7: 81].

Позднее, когда цензор-западник А.В. Никитенко, – «другой экземпляр» В.Г. Белинского, по определению П.А. Плетнева [Грот, Плетнев: 702], – взялся сокращать целыми главами гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями» [Виноградов 2021а: 584–620], Гоголь отозвался: «Точно как бы пред глазами матери зарезали ее любимейшее дитя, так мне тяжело <...> это цензурное убийство» [Гоголь 2009–2010, 14: 121].

Гоголь после более чем векового периода произвольных интерпретаций его творчества остро нуждается ныне в реабилитации – подобной той, которая в последние годы на законном основании была осуществлена в отношении к церковным пастырям. Что служило поводом для осуждения священников? Исключительно христианская проповедь, о чем однозначно свидетельствуют многочисленные следственные дела новомучеников. «...Священник Увицкий <...> в проповедях <...> говорит из Евангелия, которое сравнивает с современной жизнью. Поэ-

тому <его> проповеди носят антисоветский характер» [Священномученик Сергей Увицкий: 33]. «В большие религиозные праздники <...> священник Петр Никотин» произносит проповеди антисоветского характера <...>: “Без Христа человечество жить не может. Где нет Христа, там ссоры, драки, ругань, там нет ни чести, ни стыда”...» [Священномученик Петр (Никотин)...: 203].

У Гоголя есть такие же строки: «Выше того не думать, что уже есть в Евангелии. Сколько раз уже отшатывалось от него человечество и сколько раз обращалось» [Гоголь 2009–2010, 6: 406]; «Один только исход общества из нынешнего положения – Евангелие» [Гоголь 2009–2010, 6: 406]. После 1917 г. наследие Гоголя в цензурном отношении пострадало не меньше, чем Церковь от гонений [Виноградов 2021а: 27–32]. В литературном процессе не все зависит от автора. Есть еще критики, есть псевдо-исследователи, обслуживающие потребности соответствующей идеологии. Можно сказать, что цензурным и постцензурным убийством, накидыванием Гоголю «галстук на шею» [Гоголь 2009–2010, 7: 81] – за его христианскую проповедь – занимались практически все предмарксистские, марксистские и неомарксистские толкователи.

Как мы отметили выше, сокрытие подлинного лица Гоголя совершалось уже в XIX в. Так, самый первый биограф писателя П.А. Кулиш намеренно проигнорировал значительный объем духовных материалов, собранных Гоголем. Кулишу эти материалы достались от родных писателя, однако тот, будучи не только биографом, но и многолетним издателем Гоголя, не только не удосужился, чтобы их напечатать, но даже не обмолвился о них. В советское время эти материалы долгое время лежали под спудом в архивах, так что часть их оказалась в итоге окончательно утраченной. Оставшееся было опубликовано лишь в конце XX – начале XXI вв.⁵

Кулиш предполагал сделать Гоголя знаменем малороссийского либерального сепаратизма. Когда же эта попытка не удалась, – слишком прочной оказалась, вопреки представлениям Кулиша, проправительственная, прорусская составляющая творчества Гоголя, – то Кулиш, по сути, стал в литературе идейным врагом писателя [Виноградов 2003].

Кулиш, а за ним еще один биограф Гоголя, В.И. Шенрок, намеренно скрыли от читателя и имевшиеся у них сведения о глубокой религиозной атмосфере, которая царил в родной семье писателя. Кулиш в частных письмах сравнивал мать Гоголя с «игуменьей монастыря» [Виноградов 2011: 390]. В печатные работы это, однако, опять не попало.

Также намеренно была обойдена биографами и религиозная, почти «монастырская» обстановка, которая с самого начала была определяющей в сте-

нах Нежинской гимназии высших наук, где будущий писатель провел семь лет [Виноградов 2015: 37–51]. Нежинские воспитанники, соученики Гоголя, называли свою alma mater «бурсой» и «монастырем» [Виноградов 2015: 51]. Отсюда у Гоголя яркие описания бурсы в «Тарасе Бульбе» и «Вии».

Совершенно неизученной из-за исследовательского произвола оказалось и осмысление Гоголем проблемы оппозиционных «лишних людей». Прямая критика, – а не апология «огорченных» представителей российского общества – была предпринята Гоголем еще в «Ганце Кюхельгартене», который был написан лишь спустя два года после декабристского восстания. Реминисценция имени героя этой поэмы с фамилией Кюхельбекер, а также несколько прямых переключек «Ганца Кюхельгартена» со стихами самого поэта-декабриста В.К. Кюхельбекера с очевидностью указывают на духовно-критический в отношении к декабризму и проблеме «лишних людей» подтекст самой ранней гоголевской поэмы – написанной еще в Нежине [Виноградов 2021а: 112–116].

Закономерным было сближение Гоголя в 1834 г. с министром народного просвещения С.С. Уваровым, провозгласившим в своей деятельности следование началам Православия, Самодержавия, Народности [Виноградов 2009]. Этот факт тоже старательно, больше полутора веков игнорировали исследователи (и продолжают это делать). Прямо в ответ на правительственные начинания появились в 1834 г. гоголевские «Миргород» и «Арабески»; в 1836 г. – «Ревизор» – лично разрешенный Императором к постановке и печатанию. И «Тарас Бульба», написанный в те же годы, – это тоже живой отклик Гоголя на начинания правительства. И задуманные тогда же «Мертвые души» – это о тех, кто в настоящий момент еще не отвечает своему призванию, но сумеет в будущем подняться над своей мертвенностью, воскреснуть и достичь той «планки», которая поставлена для них Богом и Отечеством.

О верноподданнических стихах Пушкина Гоголь писал, что поэту было рано с ними «выходить» [Гоголь 2009–2010, 6: 48]. Вследствие распространенности в обществе лицемерного патриотизма, Пушкина «как раз назвали бы подкупным или чего-то ищущим человеком <...> льстецом или угодником» [Гоголь 2009–2010, 6: 48]. На фоне показного патриотизма Фаддея Булгарина – польского уроженца, католика по вероисповеданию, служившего в 1812 г. в войсках Наполеона, впоследствии – друга декабристов и сотрудника III Отделения – достойнее было сохранять в этом вопросе разумную сдержанность. Через это, писал Гоголь, «святыня высокого чувства» была «сохранена» [Гоголь 2009–2010, 6: 49].

Очевидно, что в данном случае Гоголь также имел в виду и самого себя, свое сотрудничество

в 1830-х гг. с министром Уваровым. Гоголь понимал то, что и он, чтобы не оказаться в одном ряду с лицемером Булгариным, должен был сдерживать себя в проявлении религиозно-патриотических чувств – чтобы их дорогая для всякого русского «святыня» была сохранена [Гоголь 2009–2010, 6: 49]. Гоголь писал: «Чем истины выше, тем нужно быть осторожней с ними... <...> Не столько зла произвели <...> безбожники, сколько <...> лицемерные <...> проповедатели Бога...» [Гоголь 2009–2010, 6: 21].

Изучение вектора смысла, волевого начала автора, с которым он создает произведение – стремясь донести свою мысль до читателя, – является первостепенной задачей литературоведения. Критик Белинский ради пропаганды радикальных политических взглядов намеренно приглушал в своих критических выступлениях авторский голос создателя произведения, дезориентировал читателя. Один из первых для этого он использовал многозначность художественного образа. Назрела необходимость в построении строгого, развернутого категориального аппарата собственно гоголевских художественно-поэтических мотивов и образов, – в создании исчерпывающего предметного указателя, с подробной характеристикой всех сквозных и ключевых тем, которые составляют внутреннее единство гоголевского творчества при всем его многообразии.

Примечания

¹ См. подробнее: [Виноградов 1999, 2018, 2019: 57–59].

² [Лосев 1976: 5–8, 18–28, 64, 70, 73, 175–176, 182, 199–200]. В первоначальной редакции труда этих ссылок не было [Тахо-Годи: 24–26, 28–29]. В переиздании «Теории символа...» 1995 г. они были законно исключены [Лосев 1995].

³ [Лосев 1976: 291]. В первоначальной редакции эта глава, вместе с относящимся к ней разделом «Библиография исследований по Прометею», тоже отсутствовала [Тахо-Годи: 24–26; Троицкий: 715].

⁴ Едкая «лосевская ирония» [Тахо-Годи: 28] слышится, например, в словах автора о том, что «советская поэзия отнюдь не всегда и отнюдь не буквально заполнена только одним содержанием», что «чистая художественность тоже является большой воспитательной силой <...> и ею пользуются иной раз даже наши лучшие писатели» [Лосев 1976: 298]. А.Ф. Лосев был подвергнут репрессиям в 1930–1933 гг.

⁵ Подробнее об этом см.: [Виноградов 2021а: 30–32; 2021b].

Список литературы

<Белинский В.Г.> Петр Бульбодов. Педант. Литературный тип // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. С. 68–75.

Виноградов И.А. Гоголь и Белинский: К истории полемики // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Ніжинський державний педагогічний університет імені Миколи Гоголя. Гоголівський науково-методичний центр. Ніжин: <Б. и.>, 1999. Вып. 4. С. 50–73.

Виноградов И.А. Первый биограф Гоголя // *Кулиши П.А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 3–81.

Виноградов И.А. Н.В. Гоголь и С.С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // *Духовный путь Н.В. Гоголя*: в 2 ч. / Авторы-составители В.А. Воропаев, И.А. Виноградов. Ч. 2. Гоголь в русской религиозно-философской критике. М.: Русское слово, 2009. С. 184–227.

Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.

Виноградов И.А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.

Виноградов И.А. Неизвестная полемика Н.В. Гоголя о наследии М.Ю. Лермонтова // *Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков*. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 5–18.

Виноградов И.А. «Когда в товарищах согласья нет...» А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, С.С. Уваров // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1. С. 34–103. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103>

Виноградов И.А. Н.В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021а. 864 с. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-198-205>

Виноградов И.А. Неизвестные строки записной книжки Н.В. Гоголя // *Вестник Костромского государственного университета*. 2021б. Т. 27. № 3. С. 86–91. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-86-91>

Гладков Б.И. Толкование Евангелия. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1907. 718 с.

<Гоголь Н.В.> Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви // *Отечественные Записки*. 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 238–264.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (в 15 кн.). Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

<Грот Я.К., Плетнев П.А.> Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Издана под ред. К.Я. Грота, ординарного профессора Императорского Варшавского

университета: в 3 т. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1896. Т. 2. 968 с.

<Иоанн Златоуст, святитель>. Творения св. Иоанна Златоуста. СПб.: Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1901. Т. 7. 912 с.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / научн. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Искусство, 1995. 320 с.

Священномученик Петр (Никотин) и мученики Виктор (Фролов), Иоанн (Рыбин), Елизавета (Куранова), Николай (Кузьмин) / Составитель священник Максим Максимов // *Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии / под общ. ред. Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия*. Тверь: Издательство «Булат», 2005. Дополнительный том I. С. 197–212.

Священномученик Сергей Увицкий // *Жития святых Екатеринбургской епархии / Тексты и фотоматериалы для книги подготовлены Комиссией по канонизации святых Екатеринбургской епархии*. Екатеринбург: Информационно-издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2008. С. 25–42.

Тахо-Годи А.А. А.Ф. Лосев – философ и символист сам по себе // *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / Сост., подгот. текста А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М.: Русский мир, 2014. С. 5–32.

Троицкий В.П. Примечания // *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / сост., подгот. текста А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М.: Русский мир, 2014. С. 715–720.

Утехин Н.П. Исторические грани вечных истин («Мастер и Маргарита» М. Булгакова) // Современный советский роман. Философские аспекты / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). Отв. ред. В.А. Ковалев. Л.: Наука, 1979. С. 194–224.

<Феофилакт Болгарский, блаженный>. Благовестник. Толкования на святых Евангелия блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. СПб.: Книгоиздательство П.П. Сойкина, 1910. 768 с.

Яроциньский Стефан. Дебюсси, импрессионизм и символизм / пер. с польск. С.С. Попковой. Общ. ред. и вступ. ст. И.Ф. Бэлзы. М.: Прогресс, 1978. 232 с.

References

Belinskii V.G. *Pedant. Literaturnyi tip* [Pedant. Literary type]. Belinskii V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 6, pp. 68–75. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Gogol' i Belinskii: K istorii polemiki* [Gogol and Belinsky: On the history of controversy].

Gogolevedcheskie studii [Gogol studies studies], Nizhyn State Pedagogical University named after Nikolai Gogol, Gogol Scientific and Methodological Center. Nizhyn, Without specifying the publisher Publ., 1999, issue 4, pp. 50–73. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Pervyi biograf Gogolia* [The first biographer of Gogol]. Kulish P.A. *Zapiski o zhizni Nikolaia Vasil'evicha Gogolia, sostavlennye iz vospominanii ego druzei i znakovykh iz ego sobstvennykh pisem* [Notes on the life of Nikolai Vasilyevich Gogol, composed from the memoirs of his friends and acquaintances and from his own letters], the publication was prepared by I.A. Vinogradov. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003, pp. 3–81. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *N.V. Gogol' i S.S. Uvarov: Pravoslavie, Samoderzhavie, Narodnost'* [N.V. Gogol and S.S. Uvarov: Orthodoxy, Autocracy, Nationality]. *Dukhovnyi put' N.V. Gogolia: v 2 chastiakh* [Spiritual path N.V. Gogol: in 2 parts], the authors-compilers V.A. Voropaev, I.A. Vinogradov. Part 2. Gogol in Russian religious and philosophical criticism. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2009, pp. 184–227. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematičeskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kritičeskoe izdanie: v 3 tomakh* [Gogol in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries. A complete systematic corpus of documentary evidence. Scientific critical edition: in 3 vols.]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011–2013. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Gogol' v Nezhinskoj gimnazii vysšikh nauk: Iz istorii obrazovaniia v Rossii. Nauchnoe izdanie* [Gogol in the Nizhyn Gymnasium of Higher Sciences: From the History of Education in Russia. Scientific publication]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Neizvestnaia polemika N.V. Gogolia o nasledii M.Iu. Lermontova* [Unknown controversy N.V. Gogol about the legacy of M. Yu. Lermontov]. *Svet'skaia i dukhovnaia slovesnost' v Rossii XVIII–XIX vekov. Nauchnoe izdanie* [Secular and Spiritual Literature in Russia in the 18th–19th Centuries. Scientific publication], editor M.I. Shcherbakova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 5–18. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Kogda v tovarishchakh soglas'ia net...” *A.S. Pushkin, N.V. Gogol', S.S. Uvarov* [“When there is no agreement among comrades...” A.S. Pushkin, N.V. Gogol, S.S. Uvarov]. *Dva veka russkoj klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2019, vol. 1, № 1,

pp. 34–103. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103> (In Russ.)

Vinogradov I.A. *N.V. Gogol' i tsenzura. Vzaimootnosheniia khudozhnika i vlasti kak kličevaia problema gogolevskogo nasledii* [N.V. Gogol and censorship. The relationship between the artist and the authorities as a key problem of Gogol's heritage]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021a. 864 p. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-198-205> (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Neizvestnye stroki zapisnoi knizhki N.V. Gogolia* [Unknown lines of N.V. Gogol]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Kostroma State University], 2021b, vol. 27, № 3, pp. 86–91. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-86-91> (In Russ.)

Gladkov B.I. *Tolkovanie Evangelii* [Gospel interpretation]. 2nd edition, revised and enlarged. St. Petersburg, Tipografiia tovarishchestva “Obshchestvennaia Pol'za” Publ., 1907. 718 p. (In Russ.)

Gogol' N. V. *Bisavriuk, ili Večer nakanune Ivana Kupala. Malorossiiskaia povest' (iz narodnogo predaniia), rasskazannaia d'iachkom Pokrovskoi tserkvi* [Bisavryuk, or The Evening on the Eve of Ivan Kupala. Little Russian Story (from Folk Tradition), Narrated by the Clerk of the Intercession Church]. In: *Otechestvennye Zapiski*, 1830, part 41, February, no. 118, pp. 238–264. (a) (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters in 17 vols. (15 books), compilation, preparation of texts and comments by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 2009–2010. (In Russ.)

Grot Ia.K., Pletnev P.A. *Perepiska Ia.K. Grotta s P.A. Pletnevym: v 3 tomakh* [Correspondence of Ya.K. Grotto with P.A. Pletnev: in 3 volumes], edited by K.Ya. Grot, ordinary professor at the Imperial University of Warsaw. St. Petersburg, Tipografiia Ministerstva Putei Soobshcheniia Publ., 1896, vol. 2. 968 p. (In Russ.)

John Chrysostom, St. *Tvoreniia sv. Ioanna Zlatoustata* [Creations of St. John Chrysostom]. St. Petersburg, Izdanie Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii Publ., 1901, vol. 7. 912 p. (In Russ.)

Losev A.F. *Problema simvola i realističeskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 367 p. (In Russ.)

Losev A.F. *Problema simvola i realističeskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art]. 2nd edition, revised, scientific edition by A.A. Tahoe-Godi. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995. 320 p. (In Russ.)

Sviashchennomuchenik Petr (Nikotin) i mucheniki Viktor (Frolov), Ioann (Rybin), Elizaveta (Kuranova), Nikolai (Kuz'min) [Hieromartyr Peter (Nikotin) and martyrs Victor (Frolov), John (Rybin), Elizaveta (Kuranova), Nikolai (Kuzmin)], compiled by Priest Maxim Maksi-

mov. *Zhitiia novomuchenikov i ispovednikov Rossiiskikh XX veka Moskovskoi eparkhii* [Lives of the New Martyrs and Confessors of Russia of the 20th century of the Moscow Diocese], under the general editorship of the Chairman of the Synodal Commission for the Canonization of Saints Metropolitan of Krutitsy and Kolomna Yuvenaly. Tver', Izdatel'stvo «Bulat» Publ., 2005. Dopolnitel'nyi tom I, pp. 197–212. (In Russ.)

Sviashchennomuchenik Sergii Uvitskii [Hieromartyr Sergius Uvitsky]. *Zhitiia sviatykh Ekaterinburgskoi eparkhii* [The Lives of the Saints of the Yekaterinburg Diocese], texts and photographs for the book were prepared by the Commission for the Canonization of Saints of the Yekaterinburg Diocese. Ekaterinburg, Informatsionno-izdatel'skii otdel Ekaterinburgskoi eparkhii Publ., 2008, pp. 25–42. (In Russ.)

Takho-Godi A.A. *A.F. Losev – filosof i simbolist sam po sebe* [A.F. Losev is a philosopher and symbolist in his own right]. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art], compilation, preparation of the text by A.A. Tahoe-Godi and V.P. Troitsky. Moscow, Russkii mir Publ., 2014, pp. 5–32. (In Russ.)

Troitskii V.P. *Primechaniia* [Notes]. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art], compilation, preparation of the text by A.A. Tahoe-Godi and V.P. Troitsky. Moscow, Russkii mir" Publ., 2014, pp. 715–720. (In Russ.)

Utekhin N.P. *Istoricheskie grani vechnykh istin («Master i Margarita» M. Bulgakova)* [Historical facets of eternal truths (The Master and Margarita by M. Bulgakov)]. *Sovremennyyi sovetskii roman. Filosofskie aspekty* [Modern Soviet novel. Philosophical Aspects], USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House), executive editor V.A. Kovalev. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 194–224. (In Russ.)

Theophylact of Bulgaria, blessed. *Blagovestnik. Tolkovaniia na sviatye Evangeliia blazhennogo Feofilakta, arkhiepiskopa Bolgarskogo* [Blagovestnik. Commentaries on the Holy Gospels of Blessed Theophylact, Archbishop of Bulgaria]. St. Petersburg, Knigoizdatel'stvo P.P. Soikina Publ., 1910. 768 p. (In Russ.)

Iarotsin'skii Stefan. *Debiussi, impressionizm i simbolizm* [Debussy, Impressionism and Symbolism], translated from Polish by S.S. Popkova, general edition and introductory article by I.F. Belzy. Moscow, Progress Publ., 1978. 232 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.01.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 23.01.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.